Замѣтка о бѣшенствѣ. Докторъ Пастёръ отъ насъ далеко; если насъ искусаетъ бѣшеная собака, то мы, пожалуй, и прокатимся для лѣченья въ Парижъ, но никто изъ насъ не повезетъ туда лѣчить искусанныхъ собакъ, а потому намъ еще рано оставлять безъ вниманья нѣкоторыя старыя средства. Это простое соображеніе заставило меня написать предлагаемую записку. До весны прошлаго 85 года я рѣшительно не вѣрилъ въ дѣйствительность какихъ-либо предлагаемыхъ средствъ отъ этой страшной болѣзни, что, кажется, достаточно ясно высказано мной въ составленномъ мной лѣчебникѣ для собакъ (Охотничій календарь 1885 года). Но съ тѣхъ поръ я увѣровалъ въ одно изъ старыхъ средствъ и увѣровалъ на основаніи такихъ фактовъ, которые внѣ всякихъ сомнѣній; разскажу сначала эти факты.

На шестой недѣлѣ великаго поста прошлаго 1885 года, ночью въ мою усадьбу забѣжала бѣшеная собака и грызлась, во-первыхъ, съ легавой моего брата, во-вторыхъ, съ моими гончими сквозь рѣшетку псарни. Проснувшись отъ страшнаго гвалта гончихъ, я выскочилъ съ ружьемъ и застрѣлилъ проклятую пеструю дворняжку, бѣжавшую мимо меня отъ рѣшетки гончихъ.

По освидѣтельствованіи собакъ оказалось: 1) на гончихъ знаковъ укушенья незамѣтно и 2) легавая брата искусана въ нѣсколькихъ мѣстахъ.

Въ виду этого, относительно гончихъ мной не было принято никакихъ мѣръ предосторожности, тѣмъ болѣе, что, находясь постоянно взаперти, на псарномъ дворѣ, онѣ не представляли особенной опасности.

Легавую, которая находилась на попеченіи двухъ моихъ сестеръ, я совѣтовалъ запереть на нѣсколько мѣсяцевъ для безопасной обсерваціи, но ничего не добился отъ барынь, которыя говорили, что убитая мной ночью собачка „не бѣшеная“.

Какъ и всегда въ этихъ случаяхъ, происшествіе съ собакой было мало-по-малу совсѣмъ забыто; хотя я зорко наблюдалъ за гончими, какъ всегда, а въ свое отсутствіе строго наказывалъ своему охотнику, Тетюхину, при малѣйшемъ подозрительномъ поведеніи одной изъ гончихъ, немедленно отсаживать ее на цѣпь, но сиволапые Ѳеопены всегда ими и останутся, то есть *никогда не вспомнятъ во время* приказаній.

Вернувшись 20-го апрѣля изъ поѣздки за 25 верстъ, я былъ встрѣченъ извѣстіемъ, что „Набатъ“ *цѣлый день грызется* съ другими гончими и въ данную минуту *кормится со всей стаей.*

При мнѣ „Набатъ“ сначала ѣлъ очень жадно въ общемъ корытѣ, но когда гончимъ скомандовали „на мѣсто!“, онъ недвусмысленно огрызнулся на стараго выжлеца „Канарея“, котораго вообще боялся, какъ огня. Его отсадили на цѣпь, но когда онъ, то есть „Набатъ“, проявилъ нѣсколько поползновеній укусить меня и охотника Тетюхина, изгрызъ попавшійся вѣникъ, *вылизалъ собственную мочу* (*вѣрнѣйшій признакъ бѣшенства*), то былъ запертъ въ надежное мѣсто, гдѣ и издохъ на седьмой день.

20-го апрѣля я дома не былъ и не видалъ, съ которыми собаками перегрызся „Набатъ“, но сильно укушенными оказались три, — выжловки „Шнырка“ и „Забавка“, и выжлецъ „Воробей“. Въ виду такой бѣды, я вспомнилъ о *приточникѣ* (Campanula glomerata), рекомендованномъ еще Вакселемъ; средство это мнѣ неоднократно хвалили.

Добывъ этой травы черезъ знакомыхъ въ Москвѣ, гдѣ ея также пришлось поискать, я принялся давать ее въ кормѣ всѣмъ гончимъ, а равно и легавой, о которой говорилъ.

„Воробей“ на грѣхъ заболѣлъ и сталъ плохо ѣсть, такъ что травы ему попадало въ кормѣ *очень мало;* въ 20-тыхъ числахъ іюня онъ взбѣсился и былъ застрѣленъ.

„Шнырка“ ѣла хорошо не переставая и выкармливала свой пометъ. До сихъ поръ, то есть уже *одиннадцатый* мѣсяцъ, она совершенно здорова.

„Забавка“ въ концѣ іюня *начала бѣситься*: бросалась на собакъ, грызла свой пометъ, *лизала свою мочу*. Эти припадки продолжались *три дня*, послѣ чего она выздоровѣла и здорова по сіе время.

Легавая „Діана“ *взбѣсилась* въ началѣ іюня, такъ что ее пришлось запереть. *Всѣ признаки бѣшенства* продолжались у нея около четырехъ сутокъ, послѣ чего она выздоровѣла и была выпущена на свободу *совершенно здоровая*.

Но по позднѣйшимъ разговорамъ и признаніямъ людей, я долженъ заключить, что не только поименованныя 3 гончія были искусаны „Набатомъ“, но едва-ли хотя одна изъ стаи осталась неукушенной. Подозрѣвая это сразу, я давалъ приточникъ *всѣмъ* гончимъ въ кормѣ до начала сентября—и, благодаря Бога, ни одна не взбѣсилась.

Прошлое-же лѣто у московскаго охотника К. В. Мошнина взбѣсилась и издохла отъ бѣшенства выжловка, перекусавъ нѣсколькихъ гончихъ. К. В. кормилъ перекусанныхъ приточникомъ, и *всѣ* искусанныя собаки остались цѣлы.

Конечно, я передаю лишь факты, и изъ нихъ каждый воленъ выводить, что ему заблагоразсудится, но что касается меня, я теперь крѣпко вѣрю въ приточникъ.

Дѣйствіе этого растенія на собакъ настолько очевидно, независимо даже отъ того излѣчиваетъ-ли оно зараженіе бѣшенствомъ, что, право, нелишне-бы было изслѣдовать его докторамъ поточнѣе. Напр., мои гончія ѣли его съ апрѣля по сентябрь и *лѣтней пустовки выжловкѣ не было*, хотя онѣ были все время сыты и здоровы.

Доставать приточникъ трудно, а потому увѣдомляю охотниковъ, что у меня этой травы собранъ большой запасъ; могу подѣлиться.

Николай Кишенскій.

Сельцо Охотничье, 13 Марта, 1886 г.

Маленькая замѣтка. Скажу нѣсколько словъ о статуэткѣ Либериха борзой псовой сороковыхъ годовъ, судя по снимку въ мартовской книгѣ „Журнала Охоты“.